

УДК 101.1:316

DOI: 10.31857/S0869049923030061
EDN: GIKAEEM

Оригинальная статья/ Original article

Проблема коммуникации в обществе риска: вызовы медиареальности

© Д.Г. КУКАРНИКОВ, Н.А. ГАРШИН

Кукарников Дмитрий Германович, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия), kukarnikoff@yandex.ru. ORCID: 0000-0001-6522-1355

Гаршин Николай Александрович, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия), garshnick@mail.ru. ORCID: 0000-0003-4743-5047

Рассмотрены философские основания анализа социальной коммуникации в обществе риска. Изучены как позитивные, так и негативные стороны воздействия развития медиа и нарастания мультипликативных рисков в обществе, катализатором которых стала пандемия, на коммуникацию в современном мире. С опорой на работы российских и западных философов (в частности, представителей Франкфуртской школы) рассмотрено влияние деформации толерантности на различные социальные структуры. Сделан вывод, что важно критически оценивать действия и в реальном мире, и в виртуальном пространстве. Крайне неосторожно высказанное неоднозначное мнение или выполненное действие могут вызвать непредвиденные последствия.

Ключевые слова: социальная коммуникация, общество риска, медиадискурс, толерантность, Франкфуртская школа, фейковая информация, методология социальных наук

Цитирование: Кукарников Д.Г., Гаршин Н.А. (2023) Проблема коммуникации в обществе риска: вызовы медиареальности // Общественные науки и современность. № 3. С. 83–93. DOI: 10.31857/S0869049923030061, EDN: GIKAEEM.

Communication Problem in Risk Society: Challenges of the Media Reality

© D. KUKARNIKOV, N. GARSHIN

Dmitriy G. Kukarnikov, Voronezh State University (Voronezh, Russia), kukarnikoff@yandex.ru.
ORCID: 0000-0001-6522-1355

Nikolai A. Garshin, Voronezh State University (Voronezh, Russia), garshnick@mail.ru. ORCID:
0000-0003-4743-5047

Abstract. Philosophical foundations for the analysis of social communication within the risk society are studied. The development of media and the multiplication of risks in modern society, multiplied by the impact of the pandemic, impact communication in the modern world. Both positive and negative aspects of the impact of technology on communication are revealed. The influence of the deformation of tolerance on various social structures is studied, based on the works of Russian and Western philosophers (representatives of the Frankfurt School in particular). It is concluded that critical attitude to one's actions is extremely important today both in the real world and in virtual space, since consequences of carelessly expressed ambiguous opinions or actions can cause unpredictable consequences.

Keywords: social communication, risk society, media discourse, tolerance, Frankfurt School, fake information, social science methodology

Citation: Kukarnikov D.G., Garshin N.A. (2023) Communication Problem in Risk Society: Challenges of the Media Reality. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 83–93. DOI: 10.31857/S0869049923030061, EDN: GIKAEM.

Многие авторы характеризуют современное общество как общество риска. Феномен риска начали изучать еще во второй половине XIX – начале XX в., первоначально в точных науках – математике, статистике и затем экономике. Приблизительно к 1960-м гг. данная категория оказалась в центре внимания и социальных наук. Сегодня риск считают одной из популярных тем в исследованиях общества на стыке XX и XXI вв. Интерес обусловлен необходимостью анализа как современных социальных процессов, так и тенденций и перспектив их развития.

Сам термин «общество риска» в 1986 г. предложил немецкий социолог У. Бек [Бек 2000]. Он считал, что производство материальных и социальных благ в современном обществе сопровождается риском в условиях нарастания глобальных угроз и опасностей. Его теорию развивали в своих трудах Э. Гидденс, Б. Тернер, М. Дуглас, Н. Луман и другие мыслители. Каждый из них ставил акцент на различных аспектах общества риска. Так, У. Бек считает его новой ступенью общества модерна, в котором логика производства рисков превалирует над логикой производства богатства, характерной для индустриального общества. Английский социолог Э. Гидденс анализировал данное понятие в контексте его взаимосвязи с феноменами «модернити» и «радикализованная модернити». Его немецкий коллега Н. Луман предлагает системную теорию риска, отталкиваясь от понимания общества как аутопойетической, самоорганизующейся системы.

Во всех названных теориях риск имеет общие характеристики: 1) отсутствие обусловленности современных рисков прошлым и их тесная связь с настоящим и будущим; формирование нового типа философии истории, который отличается от традиционных концепций (в них всегда присутствуют прошлое, настоящее и будущее); 2) более высокая степень неопределенности (или возрастание неопределенности) как ключевая харак-

теристика общества риска – невозможно предсказать не только позитивный, но и негативный сценарий развития, которое напрямую зависит от принятого в настоящем решения. Основным фундаментальным признаком неопределенности – неоднозначность направления происходящих изменений. Неопределенность имманентно содержит в себе риск, так как неправильный выбор стратегии ее упорядочивания, структурирования может вызвать ущерб [Гаршин, Кукарников 2019].

Современное общество открывает перед личностью новые возможности, однако одновременно требует решать проблемы возрастания рисков, возникающих перед ним. Индивид должен уметь выживать в условиях их накопления, примириться с ними и учитывать их как новый фактор при планировании своей деятельности. Многие теории общества риска анализируют конкретные обстоятельства, под воздействием которых накапливаются и приумножаются риски: экономические, социокультурные, экологические, эпистемологические и др. Особое место среди них занимают риски, связанные с процессом коммуникации.

Предмет данной статьи – коммуникация в условиях общества риска. Важно понять, какие проблемы и риски связаны с коммуникацией в современном мире. Особую актуальность приобретает анализ деформации толерантности в контексте коммуникации между различными субъектами – как физическими и юридическими лицами, так и политико-правовыми образованиями.

Новые технологии и изменение характера коммуникации

В современном обществе формируются глобальное информационное и коммуникационное пространства. Они отличаются от информационного общества «третьей волны», которое описывал американский философ Э. Тоффлер [Тоффлер 1999]. Теперь смыслообразующим элементом общества выступает не сама информация, а коммуникация – трансляция информации. Неспрогнозированные, непредупрежденные и неуправляемые коммуникационные риски могут представлять значительную угрозу для безопасной и продуктивной коммуникации.

Анализируя специфику и характер взаимодействий в современном обществе, следует признать, что за последние 20 лет коммуникация приобрела новые черты, которые значительно отличают ее от предыдущего опыта человечества. Однозначную оценку изменениям дать непросто. Если отмечать лишь позитивные или негативные тенденции, реальная картина будет сознательно искажена в результате подгонки аргументов под заготовленный ответ. Более того, значительные изменения уже произошли, и их влияние на социальные процессы будет только усиливаться.

В частности, трансформация заметна уже на уровне языка, который под влиянием переноса основной части коммуникации в Интернет становится более функциональным и упрощенным, причем не только в интернет-пространстве, но и в реальном мире. Структура коммуникации становится обрывчатой и машиноподобной. Возникают сомнения в том, что при развитии технологий мы «очеловечим» машину, а не, наоборот, сами начнем все больше походить на роботов, выполняющих определенный функционал. В силу воздействия медиа на сознание человека меняется и сама специфика восприятия информации. Глаз человека стал активнее и быстрее реагировать на визуальную информацию, привыкнув к интенсивному режиму взаимодействия с гаджетами. Однако неясно, к каким последствиям приведет это изменение. При ускорении восприятия снижается внимательность и осмысление контента, что в дальнейшем может сказаться и на понимании окружающей среды.

Наконец, даже интерфейс различных программ способен задавать определенные способы коммуникации в Интернете, которые затем переносятся в реальную жизнь. Так, сравнивая социальные сети Facebook¹ и ВКонтакте, российские исследователи Е.В. Масланов и А.М. Фейгельман приходят к выводу, что «интерфейс самой популярной российской социальной сети – VK (ВКонтакте)... способствует личному общению – как дружескому, так и деловому. Пользователь легко может приложить к сообщению почти любой контент – аудио, видео, фото, текстовый документ, а потом найти его в случае необходимости» [Масланов, Фейгельман 2020, 79]. В данном случае не столь важны частности – какая социальная сеть задает те или иные тренды в личностном и групповом взаимодействии. Ключевой фактор заключается в том, что по своей сути служебная, утилитарная программа, сайт или иной ресурс значительно влияют на мировосприятие, речь и даже подбор круга общения.

Не менее важны и позитивные изменения от новых технологий. Никогда прежде в человеческой истории не было возможности установить личный контакт с представителем другой нации и культуры с такой легкостью. Именно личное взаимодействие помогает избежать воздействия мифов, которые осознанно или неумышленно воспроизводят медиа и сама культура в виде стереотипов, анекдотов и т. п.

Медиареальность и медиадискурс

Под медиареальностью имеется в виду особая форма социальной реальности, в рамках которой через медиа создается особое культурно-смысловое пространство. Оно может подменить собой объективную реальность, поскольку представления о феноменах могут сливаться с оценками самих феноменов. По мнению Н. Лумана, «все, что мы знаем о нашем обществе и даже о мире, в котором живем, мы узнаем через массмедиа. Это относится не только к знанию общества и истории, но и к знанию природы. Мы узнаем о стратосфере так же, как Платон узнавал об Атлантиде: “люди говорят то-то и то-то”... С другой стороны, о самих массмедиа мы слышали такого, что не можем доверять этому источнику. Мы сопротивляемся их воздействию, подозревая, что нами манипулируют, но по существу это ничего не меняет, потому что знания, полученные нами из массмедиа, словно сами собой складываются в замкнутый каркас, элементы которого укрепляют друг друга» [Луман 2005]. С течением времени физическая и виртуальная реальности срастаются, и происходящие в них процессы начинают активно влиять друг на друга. Таким образом, возникает диалектика их взаимодействия: отражая физическую реальность, виртуальная обратным образом воздействует на нее посредством медиа. Следовательно, медиареальность представляется как тип (вид) виртуальной реальности, который отличается от других ее типов и по-своему влияет на познание объективной действительности в реальной среде.

Медиареальность формирует медиадискурс, субъектом которого сегодня может стать физическое лицо, не наделенное властными или экономическими ресурсами. Возникло понятие «лидер мнений» – субъект, который своим поведением в медиасреде порождает новое мнение или оценку даже привычных феноменов, распространяя их в массы. Однако и в современном мире крупные ТВ- и радио-ресурсы по-прежнему существенно влияют на социальные процессы и остаются значимыми субъектами медиареальности, воздействуя на объект – общественное сознание. В нем формируются новые идеи и псевдоидеоло-

¹ Компания Мета, материнская компания Facebook, признана в РФ экстремистской организацией, ее деятельность запрещена – прим. ред.

гии (мимикрирующие под классические идеологии, но не обладающие ни теоретической базой, ни системностью, ни категориальным аппаратом и связями в нем). Они воздействуют на конкретных индивидов и сообщества, коммуницирующих между собой, меняя коммуникативную сферу как политической системы, так и общества в целом. В то же время представители властных структур могут использовать медиа не только для того, чтобы доносить информацию массам, но и манипулировать ими.

Происходят также попытки выделить владельцев и сотрудников СМИ и медиа в отдельную элитную группу наряду с политическими, экономическими и культурными [Стариков 2005]. Вместе с тем социальная реальность расслаивается на определенные уровни. Так, американский антрополог А. Аппадурай, исследуя феномен воображаемых миров [Аппадурай 1996], отмечал, что медиареальность становится определенным пластом, который занимает важное место в структуре социального бытия. Коммуникация и генерируемые в ее рамках культурные потоки формируют как у элит, так и у масс определенную картину мира. Исходя из нее, они принимают решения, с которыми тесно связана возможность возникновения рисков.

Мультипликация рисков в современном обществе

Характеристика современного общества как общества риска означает, что в нем всякое действие или бездействие будет сопровождаться многократным воспроизводством рисков. Притом зачастую даже сам актер, начав процесс, приведший к росту рисков, не может контролировать его. Более того, он, как правило, даже не догадывается о последствиях своих действий. Например, мало кто мог ожидать столь бурной реакции на гибель Дж. Флойда в 2020 г., – трагичный и неприятный, однако далеко не уникальный инцидент. Тем не менее, он вызвал масштабные протесты темнокожего населения.

Н. Луман тесно связывает общество риска, медиа и коммуникацию, что нашло отражение в его структурном анализе и системной теории. Так, в работе «Понятие риска» [Луман 1994] автор замечает, что история данного термина подробно еще не изучена.

Следует отметить, что каждая отрасль занимается отдельными видами риска, характерными именно для нее. Данная особенность затрудняет поиск некоего инварианта – краеугольного камня в понимании сущности риска. Вопрос носит междисциплинарный характер и может быть решен только при условии обеспечения продуктивной коммуникации между разными научными институтами, которые занимаются этой проблематикой. Теоретический концепт Ф. Бэкона об идолах рынка наглядно иллюстрирует такую ситуацию.

Нарушение коммуникации приводит к разрыву социальных связей, что в конечном счете из-за хаотичности потока информации в медиа ведет к деградации социальной системы. Именно коммуникация, по сути, обеспечивает воспроизводство общества как системы в новых вариациях при сохранении общей структуры. Более того, очевидно, что угроза риска иногда приводит к попыткам отказа от коммуникации. Такая ситуация может снизить способность системы к исполнению своего функционала, в том числе в части саморегуляции и адаптивности, т. е. привести к тому, что Р. Мертон называл дисфункцией [Мертон 2005]. Таким образом, коммуникативные нарушения угрожают стабильности всей системы, создавая новые риски. К примеру, один из классических исследователей проблемы риска Э. Гидденс обращает внимание на то, как социальные трансформации влияют на систему мировой политики [Гидденс 1994]. Взаимодействие стран в союзах затрудняется из-за того, что при увеличении количества заинтересованных субъектов образуются многочисленные новые риски. В своей работе «Неспокой-

ный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем?» Э. Гидденс отмечает: «В сентябре 2006 г. МВФ сообщил, что мировая экономика находится в прекрасной форме, хотя некоторые поводы для беспокойства еще имеются. Спустя всего каких-то 12 месяцев на мир обрушился самый масштабный после кризиса 1930-х годов экономический кризис» [Гидденс 2015].

Следует отметить что в современном мире, во-первых, при наступлении рисков возрастает неопределенность, то есть снижается даже гипотетическая возможность прогнозировать возможные сценарии развития (событий) в долгосрочной перспективе, что само по себе представляет определенный риск. Во-вторых, прежде сравнительно независимые группы рисков сливаются в единую систему, где каждый из них способен спровоцировать риски в иной сфере. Данный аспект касается уже не только экономики и политики, но и репутационных, информационных и иных видов риска. Даже профессиональные политики не могут знать, что и когда вызовет новую волну кризисных явлений, станет их «спусковым крючком». Кроме того, члены политических союзов теперь вынуждены преодолевать риски в отношениях между собой, поскольку цель этих союзов, как правило, заключается в том, чтобы решить некие общие задачи, которые не всегда совпадают с интересами их участников, что порождает новые риски. В обществе риска такое положение дел приводит к фактической формализации любых союзов, превращая их из подлинных и полноценных игроков на политической арене в носителей неких «деклараций о намерениях». Так, говоря о ЕС, Гидденс пишет: «Лидеры крупных стран часто пытаются угнаться за двумя зайцами. Они заявляют о своих общеевропейских интересах, однако на деле на первом месте для них стоят интересы конкретного государства» [Гидденс 2015].

В условиях медиадискурса новые риски могут возникнуть из-за одного неверно интерпретированного слова или «картинки». Как справедливо указывает С.С. Васильев, «в силу своей специфики СМИ не знают ни демографических, ни социальных, ни национальных границ своего действия, обеспечивая тем самым взаимосвязь народов и культур, представляя собой средство формирования целостного представления о мире. Выступая вещественным компонентом коммуникативного процесса, СМИ выражают собой способ передачи, хранения и распространения культурных ценностей в обществе. В то же время специфика воздействия СМИ на человека заключается в том, что в отличие от информации, получаемой в межличностном общении, информация в СМИ проходит отбор, классификацию фактов и явлений общественной жизни, то есть является организованной, структурированной. В результате человек получает интерпретацию информации» [Васильев 2009, 44]. Таким образом, человек становится зависим от того, какую информацию выбирают медиа, которые играют все большую роль в определении повестки. Индивид узнает не столько о самой реальности, сколько о ее отфильтрованном и отсортированном варианте. Активность различных субъектов в медиа сегодня столь велика, что часть населения начинает воспринимать участие в медиа-процессах как ключевой способ защиты своих прав и свобод. Подобный тренд поддерживают (осознанно или нет) и официальные власти, которые переносят все больше услуг и общественно значимых действий в онлайн-режим.

Следует отметить, что в этом отношении Россия занимает передовые позиции в мире. В частности, онлайн-голосование на выборах, которое активно применяется в России, также можно встретить лишь в Эстонии – стране со значительно меньшей численностью населения. Однако в результате стремительного роста использования технологий возрастают и риски, поскольку всякая новация требует адаптации и формирования соответствующих социальных норм. Особенно ярко данная проблема проявляется в вопросе доверия

к новым технологиям и любым инновациям у населения. Отсутствие социального доверия в политической сфере ставит под угрозу нормальное функционирование демократических социальных институтов. Как отмечает И. Крастев: «...Сегодня же индивид либо воспринимает свою свободу как само собой разумеющуюся, либо верит, что он может ее защитить при помощи клика мышки или иска против правительства. То, чему мы оказываемся свидетелями, является не концом демократии, но, скорее, ее радикальной трансформацией» [Крастев 2014, 28]. Таким образом, изменения в медиадискурсе затрагивают реально существующие социальные институты и отношение к ним.

Вызовы медиареальности приобрели особую значимость с началом пандемии коронавируса, когда практически вся деловая и социальная активность переместилась в онлайн-режим. Обилие социальных контактов в Интернете, отсутствие чувства должной ответственности за размещенные там материалы вкупе с психологической напряженностью и неопределенностью затрудняют диалог как между отдельными личностями, так и между социальными группами и даже государствами.

Трансформация принципа толерантности в европейской культуре

Напряженность усиливается в результате деформации толерантности, которая считается одной из ключевых ценностей культуры, в частности европейской, и, соответственно, регулирует самые разные общественные отношения. Коммуникация, которая на протяжении многих лет выстраивалась на принципах взаимного уважения и диалога, механизмуется и упрощается в медиaprостранстве. В результате она зачастую становится токсичной, поскольку нарушается ключевой принцип толерантности – право на толерантность имеет лишь толерантный человек. Когда этот принцип попирают, толерантность отчуждается от своего носителя, противостоит ему. Складывается парадоксальная ситуация: толерантный человек сам испытывает к себе интолерантное отношение в силу собственной толерантности. О рисках подобного положения дел в разное время писали и отечественные, и западные философы. Так, российский публицист К.С. Аксаков уже в XIX в. говорил, что интолерантный человек не имеет права на толерантное к себе отношение. В своей работе «О современном человеке» он пишет: «Нарушающий исповедание не может быть в обществе, основанном непременно на общем единстве исповедания. Удерживать в общественном союзе человека, нарушающего его основу, – значит соглашаться на нарушение самой основы и, следовательно, отказываться от нее, то есть от самого исповедания. Итак, человек, нарушающий нравственную основу общества, не может быть терпим в этом обществе и должен быть из него исключен. Здесь вовсе нет суда над душою человека, над личным его достоинством даже, но только над ним как над лицом общественным, ибо он виноват как общественный человек» [Аксаков 2009, 286].

Ему вторит немецкий и американский философ и социолог Г. Маркузе. Рассматривая проблему толерантности, представитель Франкфуртской школы замечает, что она сама становится источником притеснений и манипуляций вместо того, чтобы защищать права человека, давать ему возможность быть собой без притеснений. Анализируя трансформацию данной ценности в своей работе «Репрессивная толерантность», он пишет: «Такого рода толерантность лишь усиливает тиранию большинства, против которой был направлен протест подлинных либералов. Политический смысл толерантности изменился: поскольку она почти незаметно стала принципом власти, а не оппозиции, она превратилась в форму обязательного поведения по отношению к официальной политике. Толерантность превра-

тилась из активного состояния в пассивное, из практики – в бездеятельность...» [Маркузе 2011, 100–101].

Такие изменения приводят к тому, что полноценный диалог становится затруднительным. Коммуникации переходят не в сотрудничество, а в конфронтацию, общее состояние дел в социальном пространстве лишь ухудшается. Рост конфронтации, чувство неопределенности и кризис доверия вкупе с деформацией толерантности пробуждают интерес к пропаганде в худшем ее проявлении – сознательном формировании социальных мифов и их распространении через медиа в виде fake news. В результате массам все сложнее принимать иную точку зрения, что значительно снижает перспективы полноценного сотрудничества. Особенно проблемно данная тенденция проявлялась в условиях пандемии, когда привычный социальный уклад и без того был нарушен и часть действий перешла в онлайн-формат. Мало того, сама пандемия представляет собой фактор, который разобщает сообщество как на локальном, так и на международном уровнях.

Рассматривая данную проблему в своей работе «Панмедиа. Covid-19, люди и политика», российский философ А.Ю. Недель пишет, что раньше для решения проблемы общество должно было объединиться, то теперь, наоборот, мы должны разделиться. Социальная дистанция означает не только физическое расстояние между людьми. Она распространяется и на личностное общение, а также эмпатию: мы все больше замыкаемся на себе и своей культуре, утрачивая и искажая связи в мире в целом [Недель 2020, 17]. В современном мире значительно возрастает подозрительность, чему в немалой степени способствует широкое и зачастую вполне осознанное распространение фейковой информации в Интернете. Ситуацию усугубляет огромная скорость распространения фейков в медиасреде. Повсеместное развитие практик манипуляций общественным сознанием разрушает общество. «Они сеют панику, направляют общество на поиск ложных врагов, подстрекают к беспорядкам, обманывают потребителей, дестабилизируют аудиторию, формируют ощущение тревоги и неопределенности», – отмечают российские исследователи И.А. Стернин и А.М. Шестерина [Стернин, Шестерина 2020, 3].

Кроме того, сегодня медиа превращаются в ключевой источник и способ распространения произведений искусства. Ранее для соприкосновения с ним нужно было посещать концерты, кинотеатры, однако теперь многие произведения искусства доступны в онлайн-формате. Данная трансформация тоже выступает источником риска. Расширение доступа к искусству в целом следует оценивать позитивно, однако его некорректная интерпретация может привести к неожиданным последствиям. В качестве примера можно привести публикацию журналом «Шарли Эбдо» провокационной карикатуры на пророка Мухаммеда в январе 2015 г. Даже если не относить карикатуру к произведениям искусства – тем более что она имела религиозный подтекст – редакция поступила некорректно. Однако реакция на нее в виде террористического акта, повлекшего за собой смерть 12 человек, была несоразмерна совершенному деянию. Аналогичные проблемы могут возникнуть и с другими произведениями культуры. Их могут воспринять в качестве призыва к агрессии, унижению и т. п. В такой ситуации особую роль играет киберэтика как новое ответвление классической философской дисциплины. Российская исследовательница В.Л. Алиханова, описывая проблемы с пониманием искусства в современном мире, пишет: «Искусство и его оценка попадают в зависимость не от профессионалов, а от дилетантов, оценка которых будет основана не на знаниях и научных критериях, а на личном опыте, а то и просто на настроении. Образуется многослойная, многообразная публика, использующая одни социальные сети и потому подверженная массовым манипуляциям, массовому заражению» [Алиханова 2019, 52].

* * *

Таким образом, в условиях общества риска даже самое позитивное и гуманистическое начинание может привести к возрастанию рисков и социальной напряженности, чреватой кризисами. Технологизация коммуникации представляет собой неоднозначное явление, которое имеет и позитивные, и негативные проявления. На состояние коммуникации влияет множество факторов, которые образуют своеобразную систему. В данной системе риски мультиплицируются особенно активно, поэтому крайне важно критично относиться к действиям не только в реальном мире, но и в виртуальном пространстве. Сегодня неосторожно высказанное мнение или выполненное действие может иметь непредвиденные последствия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аксаков К. С. (2009) О современном человеке. М.: Институт русской цивилизации. С. 238–297.
- Алиханова В. Л. (2019) Проблема взаимодействия ценностей и искусства в эпоху цифрового «поворота» // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия «Философия». № 4. С. 47–54.
- Бек У. (2000) Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-традиция. 381 с.
- Васильев С. С. (2009) Механизмы и уровни внедрения мифа в массовое сознание: массмедиа как инструмент социального мифотворчества // Историческая и социально-образовательная мысль. Вып. 2. С. 37–47.
- Гаршин Н. А., Кукарников Д. Г. (2019) Постидеология и общество риска: системный анализ концептов // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия «Философия». № 2. С. 24–32.
- Гидденс Э. (2015) Европа: беспокойный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем? М.: Изд. дом «Дело». 240 с.
- Гидденс Э. (1994) Судьба, риск и безопасность // THESIS. № 5. С. 107–134.
- Крастев И. (2014) Управление недоверием. М.: Европа. 123 с.
- Луман Н. (2005) Реальность массмедиа. М.: Праксис. 256 с.
- Луман Н. (1994) Понятие риска // THESIS. № 5. С. 135–160.
- Маркузе Г. (2011) Репрессивная толерантность // В: Критическая теория общества: Избранные работы по философии и социальной критике. М.: АСТ. С. 98–138.
- Масланов Е. В., Фейгельман А. М. (2020). Неявное знание в интернет-коммуникации: интерфейс как механизм производства неявного знания // Вестник Томского гос. ун-та. № 460. С. 77–83.
- Мертон Р. К. (2006) Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, Хранитель. 873 с.
- Недель А. Ю. (2020) Пандемия. COVID-19, люди и политика. СПб.: Алетейя. 320 с.
- Стариков А. Г. (2005) Взаимодействие элиты СМИ и политической элиты в политическом процессе современной России. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. полит. наук. Ростов-на-Дону. 197 с.
- Стернин И. А., Шестерина А. М. (2020) Маркеры фейка в медиатекстах. Воронеж: РИТМ. 34 с.
- Тоффлер Э. (1999) Третья волна. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ». 784 с.
- Appadurai A. (1996) Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis. 248 p.

REFERENCES

- Aksakov K. S. (2009) *O sovremennom cheloveke* [About Modern Man]. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii. Pp. 238–297.
- Alikhanova V. L. (2019) Problema vzaimodeistviya tsennosti i iskusstva v ehpokhu tsifrovogo «povorota» [The Problem of the Interaction of Values and Art in the Era of the Digital “Turn”]. *Vestnik Voronezhskogo gos. un-ta. Seriya «Filosofiya»*. no. 4, pp. 47–54.
- Appadurai A. (1996) *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis. 248 p.
- Bek U. (2000) *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Risk Society. Towards a New Modernity]. Moscow: Progress-traditsiya. 381 p.
- Vasil'ev S. S. (2009) Mekhanizmy i urovni vnedreniya mifa v massovoe soznanie: massmedia kak instrument sotsial'nogo mifotvorchestva [Mechanisms and Levels of Myth Introduction into the Mass Consciousness: Mass Media as a Tool of Social Myth-Making]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. issue 2, pp. 37–47.
- Garshin N. A., Kukarnikov D. G. (2019) Postideologiya i obshchestvo riska: sistemnyi analiz kontseptov [Post-Ideology and Risk Society: System Analysis of Concepts]. *Vestnik Voronezhskogo gos. un-ta. Seriya «Filosofiya»*. no. 2, pp. 24–32.
- Giddens E. (2015) *Evropa: nespokojnyj i mogushchestvennyj kontinent: chto zhdet Evropu v budushchem?* [Turbulent and Mighty Continent. What Future for Europe?]. Moscow: Izd. dom «Delo». 240 p.
- Giddens E. (1994) Sud'ba, risk i bezopasnost [Risk, Fate and Safety]. *THESIS*. no. 5, pp. 107–134.
- Krastev I. (2014) *Upravlenie nedoveriem* [Mistrust Management]. Moscow: Evropa. 123 p.
- Luman N. (2005) *Real'nost' massmedia* [The Reality of the Mass Media]. Moscow: Praksis. 256 p.
- Luman N. (1994) Ponyatie riska [The Concept of Risk]. *THESIS*. no. 5, pp. 135–160.
- Markuze G. (2011) Repressivnaya tolerantnost' [Repressive Tolerance]. In: *Kriticheskaya teoriya obshchestva: Izbrannye raboty po filosofii i sotsial'noi kritike*. Moscow: AST. Pp. 98–138.
- Maslanov E. V., Feigel'man A. M. (2020). Neyavnoe znanie v internet-kommunikatsii: interfeis kak mekhanizm proizvodstva neyavnogo znaniya [Implicit Knowledge in Internet Communication: Interface as a Mechanism for the Production of Implicit Knowledge]. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta*. no. 460, pp. 77–83.
- Merton R. K. (2006) *Social'naya teoriya i social'naya struktura* [Social Theory and Social Structure]. Moscow: AST, Hranitel'. 873 p.
- Nedel' A. YU. (2020) *Pandemiya. COVID-19, lyudi i politika* [Pandemic. COVID-19, People and Politics]. Saint-Petersburg: Aleteiya. 320 p.
- Starikov A. G. (2005) *Vzaimodejstvie elity SMI i politicheskoy elity v politicheskom processe sovremennoj Rossii* [Interaction between the Media Elite and the Political Elite in the Political Process of Modern Russia]. Avtoref.dis. naseisk. uchen. step. kand. polit. nauk. Rostov-na-Donu. 197 p.
- Sternin I. A., Shesterina A. M. (2020) *Markery feika v mediatekstakh* [Fake Markers in Media Texts]. Voronezh: RITM. 34 p.
- Toffler E. (1999) *Tret'ya volna* [The Third Wave]. Moscow: OOO «Firma «Izdatel'stvo AST»». 784 p.

Информация об авторах

Кукарников Дмитрий Германович, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой истории философии и культуры факультета философии и психологии Воронежского государственного университета. Адрес: 394018, Россия, Воронеж, Университетская пл., д. 1. E-mail: kukarnikoff@yandex.ru

Гаршин Николай Александрович, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры истории философии и культуры факультета философии и психологии Воронежского государственного университета. Адрес: 394018, Россия, Воронеж, Университетская пл., д. 1. E-mail: garshnick@mail.ru

About the authors

Dmitriy G. Kukarnikov, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Head of the Department of History of Philosophy and Culture, Faculty of Philosophy and Psychology, Voronezh State University. Address: 394018, Russia, Voronezh, Universitetskaya sq., 1. E-mail: kukarnikoff@yandex.ru

Nikolai A. Garshin, Candidate of Sciences (Philosophy), Senior Lecturer, Department of History of Philosophy and Culture, Faculty of Philosophy and Psychology, Voronezh State University. Address: 394018, Russia, Voronezh, Universitetskaya sq., 1. E-mail: garshnick@mail.ru

Статья поступила в редакцию/Received: 02.06.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки/Revised: 10.04.2023

Статья принята к публикации/Accepted: 06.06.2023